

Boris Nemtsov Foundation for Freedom

IFR Displacement Lab

Цель исследования: выявить стратегии сохранения и приумножения социального капитала, используемые россиянами, которые эмигрировали из России вместе с детьми.

Методология: Опирающееся на количественные методы кейс-стади на основе 20 полуструктурированных интервью (продолжительность от 60 до 120 минут) с россиянами, покинувшими страну вместе со своими детьми. В ходе интервью, проанализированных через парадигму мобильностей, респонденты опрашивались не только по темам трансформации нематериальных форм социального капитала, но и по близким для них проблемам повседневной жизни — качеству образования в России и в стране текущего проживания, наличию инфраструктуры для проживания с детьми, а также по их планам потенциального возвращения в Россию и необходимых для этого условий.

Менторы лаборатории:

- Анна Кулешова — социолог Social Foresight Group, кандидат социологических наук, журналист
- Полина Аронсон — PhD в области социологии, Alice Salomon University of Applied Sciences (Берлин, Германия), журналист

Участники лаборатории:

- Андрей Фролов — независимый исследователь, магистр политических наук
- Аврора Веттори Леворин — студентка магистратуры по истории, INALCO Париж, Франция
- Варвара Шипневская — студентка магистратуры по социологии, университет Констанца, Германия

[Read in English](#)

Мы благодарим всех участников опроса за уделенное время, проект «Ковчег» и лично его основателя Анастасию Буракову за помощь с поиском респондентов для исследования.

Опрос

Опрос состоял из социодемографического блока и нескольких частей:

- Блок 1 (дошкольное, школьное и дополнительное образование в России)

В его рамках задавались вопросы об удовлетворенности респондентов качеством образования в России, школах, садиках и кружках, которые посещали их дети, а также об их планах на будущее детей — обязательности высшего образования и его ценности.

- Блок 2 (дошкольное, школьное и дополнительное образование в эмиграции)

Здесь респонденты отвечали на вопросы о том, как проходит интеграция ребенка в систему образования принимающей страны, а также о том, какую школу и кружки посещает ребенок, каким образом семья выбирала эти кружки и как проводит свободное время.

- Блок 3 (социальные связи после эмиграции)
- Блок 4 (старые связи)

В рамках этих блоков мы просили респондентов рассказать, как устроен их круг общения, какое место в нем занимают контакты, приобретенные в эмиграции. Также в этой части содержались вопросы о взаимодействии с русскоязычными эмигрантами и о переосмыслении роли русского языка.

- Блок 5 (планы на будущее)

В заключительном блоке респонденты делились с нами своими планами дальнейшей жизни в эмиграции и отвечали на вопрос о потенциальном возвращении в Россию.

Почему семьи с детьми?

Домохозяйства, имеющие детей дошкольного, школьного возрастов, а также готовящихся к поступлению в университеты, колледжи и другие образовательные институты, имеют специфические черты планирования собственного будущего в принимающих сообществах.

Им приходится вырабатывать стратегии среднесрочного и долгосрочного планирования своей жизни в эмиграции с учетом необходимости получения непрерывного образования.

С одной стороны, это вынуждает родителей приступать к изучению образовательных институтов принимающей страны в кратчайшие сроки, что, в свою очередь, способствует ускорению социализации детей и родителей на новом месте.

С другой, родители ограничиваются в возможности частого изменения места проживания из-за необходимости обеспечить ребенку наиболее приемлемые условия обучения в виде снижения стресса от постоянных изменений места жительства. Это ведет к необходимости планирования переезда с учетом фактора качества образовательных институтов в потенциальной стране переезда и их доступности для граждан России.

Социодемографические данные

Мы опросили 20 семей, имеющих опыт жизни в 11 странах — Грузии, Израиле, Индонезии, Испании, Казахстане, Кипре, Латвии, Нидерландах, Португалии, Сербии, Турции, Франции, Черногории. Безусловно, данная выборка не является репрезентативной относительно генеральной совокупности, однако в контексте выбранной методологии исследования позволяет сделать выводы о мотивации семьи при выборе образовательной стратегии для ребенка и самоощущении россиян в эмиграции.

16 из 20 опрошенных семей являются полными — дети в них воспитываются двумя партнерами. 8 семей воспитывают одного ребенка, 8 — двух, в оставшихся 4 семьях воспитываются 3 и более детей.

Возраст опрошенных респондентов — от 27 до 63 лет, большинство из них женщины (респонденты-мужчины фигурировали в 4 интервью из 20), возраст детей варьируется от 4,5 до 26 лет (все числа даны на момент проведения интервью в октябре-ноябре 2024 года). Средний медианный возраст респондента — 42 года, ребенка — 12,5 лет.

Абсолютное большинство опрошенных эмигрировали в период с 2021 по 2024 годы (лишь один респондент покинул Россию в 2011 году) в связи с политическим преследованием (личным или в адрес работодателя), несогласием с началом полномасштабного вторжения в Украину и последовавшими за этим политическими репрессиями и мобилизацией.

Лишь в 3 случаях из проанализированных эмиграция не была связана напрямую с политическим преследованием или политическими убеждениями партнеров. Тем не менее переезд в связи с получением оффера на работу часто отмечался респондентами как способ отъезда из России, причиной же указывалось несогласие с политической обстановкой в стране.

Треть опрошенных семей меняли место проживания за время эмиграции — но лишь в 1 случае в стране первого выбора семья оформляла документы для дальнейшего передвижения и практически не соприкасались с принимающим сообществом. Еще в 1 случае ребенок не посещал местные образовательные институты, но был вовлечен в деятельность кружков дополнительного образования. Наконец, фигурировала семья, где дети полностью обучались на русском языке в онлайн-формате.

65% опрошенных до эмиграции длительное время проживали в Москве и Московской области, 25% — в Санкт-Петербурге, 10% — в крупных городах Урала.

75% опрошенных отметили средний достаток в своей семье до эмиграции (могли позволить любую покупку кроме квартиры и машины, уже имея их в собственности),

10% имели достаток, позволяющий любую покупку, 15% отметили сложное материальное положение домохозяйства.

В 16 семьях дети имели опыт очного обучения в российских школах до эмиграции — чаще всего это были обычные средние общеобразовательные школы, реже специализированные лицеи или гимназии, частные школы. В 1 семье дети учились полностью онлайн, еще в 1 семье — в семейной школе с небольшими классами.

В 7 семьях был опыт взаимодействия с системой дошкольного образования в России (также 2 семьи отдали детей в англоязычные детские садики, но дети посещали их меньше полугода). Еще в 2 семьях родители не успели отдать ребенка или детей в детский сад или школу, но имели представление о том, какие типы соответствуют их ожиданиям.

Сохранение накопленного в России социального капитала

Ни одна из опрошенных семей не прекратила общения с родственниками и друзьями, которые остались в России — все респонденты отметили важность сохранения «старых» контактов и постоянного поддержания связи с ними. Это верно как для взрослых членов семьи, так и для детей — родители отмечали продолжение онлайн-общения их детей с друзьями из России.

Сохраняются контакты не только с единомышленниками — респонденты отмечают, что продолжают общение с родственниками и друзьями, поддерживающими официальную политическую позицию российских властей. Они объясняют это наличием многолетних связей, которые важнее текущего несогласия по политическим позициям, хотя отмечают значительное снижения уровня доверия в таком общении.

Многие из контактов ближнего круга, сформированного до эмиграции, получают помощь в оплате услуг и покупок, которые нельзя оплатить с помощью банковских карт, выпущенных российскими кредитно-денежными организациями.

Большинство опрошенных отметили важность постоянного поддержания офлайн-общения — их друзья и родственники приезжают в гости, планируют совместный отдых.

Уровень доверия остается высоким — политические темы избегаются в общении в случаях, когда знакомый или родственник еще до эмиграции просил не общаться по вопросам политики. Респонденты отмечают, что для их знакомых общение с эмигрантами становится одной из безопасных возможностей выговориться и выразить свое политическое несогласие в условиях роста уровня недоверия внутри российского общества.

В 3 случаях респонденты отметили критически важную роль профессионального, активистского и земляческого сообществ, среди которых были закрытые чаты сотрудников российских независимых СМИ, активные участники деятельности НКО и чаты выходцев из крупного и политически активного уральского региона, название которого мы не употребляем по просьбе респондента.

Создание социального капитала в эмиграции

Среди респондентов не наблюдается системных попыток выстроить устойчивые социальные отношения с местными жителями. С одной стороны, на это влияют ограниченные коммуникативные возможности ввиду недостаточного знания языка принимающего сообщества. С другой стороны, зачастую можно говорить о формировании «пузыря».

Россияне узнают важную для них информацию (вопросы легализации, поиска жилья, оформления документов и страховок, отзывы о школах, кружках и секциях) во многом из русскоязычных источников — в основном, это Telegram чаты, каналы и созданные другими эмигрантами базы знаний.

Приобретенные в эмиграции новые контакты, которые опрошенные считают важными и полезными для себя, также почти в 100% случаев русскоязычные — к ним семьи обращаются за помощью в воспитании детей, оставляют ключи от квартиры на время отъезда.

Несмотря на в целом высокий уровень доверия членам принимающего сообщества (подробнее в разделе «Доверие принимающим сообществам») респонденты отмечают, что не могут полагаться на контакты за пределами русскоязычного сообщества в вопросах образования, легализации и решения бытовых сложностей. Это связано с тем, что россияне (и не владеющие местным языком русскоязычные) вынуждены преодолевать препятствия, которые гражданам принимающей страны не знакомы.

Рациональным поведением в такой ситуации опрошенные видят обращение к тем, кто решал аналогичные проблемы — к таким они относят всех русскоязычных, без четкого разделения на россиян и граждан других стран.

Отметим и частое предпочтение новостным и аналитическим источникам на английском и местных языках YouTube и Telegram-каналы на русском, которые также создают эмигранты. Обычно это небольшие источники, обладающие экспертизой и опытом жизни в стране нахождения респондентов. В них респонденты ценят экспертизу по итогам накопленного опыта жизни в принимающей стране.

Доверие принимающим сообществам

Большинство опрошенных доверяют местным жителям, национальным правительствам, администрациям образовательных учреждений и отмечают достаточно высокий уровень воспринимаемой безопасности.

Респонденты удовлетворены открытостью принимающих сообществ, готовностью помогать и знакомиться без дискриминации по признаку гражданства. Тем не менее, как мы уже отметили ранее, россияне скорее доверяют другим русскоязычным в вопросах решения сложных проблем устройства жизни и решения экстренных проблем.

Доверие эмигрантам-россиянам

Несмотря на то, что большинство опрошенных нами семей покинули Россию по политическим мотивам, они предпочитают не разделять уехавших россиян на «экономических» и «политических» эмигрантов — уровень доверия высок, как и готовность обсуждать чувствительные политические темы с незнакомыми русскоязычными людьми.

Респонденты отмечают общность проблем большинства россиян, покинувших страну, и достаточно большое количество разделяющих их политические взгляды и среди тех, кто покинул страну до 24 февраля 2022 года.

Большую роль в этом сыграла готовность «старых» эмигрантов помогать «новым» в чатах, группах и офлайн.

«Пузыри» родителей и адаптация детей

Стратегии поведения в эмиграции детей и взрослых значительно отличаются, что в большинстве случаев обусловлено неизбежностью включения детей в активное социальное взаимодействие с представителями принимающих сообществ в образовательных институтах. Однако родители зачастую корректируют эти траектории так, чтобы ребенок продолжал постоянно контактировать с русскоязычным сообществом.

Во всех проанализированных кейсах за исключением одного, в котором респондент знает язык принимающего сообщества и отделяет свою гражданскую идентичность от ассоциации с Россией, респонденты отмечают, что фактически продолжают жить в русскоязычной среде, покидая ее только в случае работы в компаниях, в которых есть сотрудники-нероссияне.

Эмигранты открыты к идее отдавать своих детей на дополнительные занятия, организованные принимающими сообществами и государствами, но преимущественно это происходит в случаях, когда информацию и отзывы легко получить в открытых источниках или в школе (в том числе среди родителей).

Если с получением информации возникают сложности, родители обращаются в организации, созданные русскоязычными эмигрантами — по ним проще получить проверенные отзывы на русском языке в чатах эмигрантов или у давно проживающих в стране представителей русскоязычного сообщества. В случаях, когда подходящей активности нет, эмигранты могут создавать ее сами.

Например, респонденты из Сербии и Португалии открыли собственные культурные центры для русскоязычных детей — они назвали это «культурной передержкой» для детей. С одной стороны, это объясняется недостаточным горизонтом планирования — респонденты могут считать возможным как скорое возвращение в Россию, так и дальнейшую эмиграцию, в связи с чем проще оставлять ребенка в знакомой среде.

С другой — неудовлетворенностью количеством и качеством услуг дополнительного образования. В условиях замкнутости общения внутри русскоязычного сообщества (практически все респонденты отметили, что их новые знакомые в месте проживания — русскоязычные, вне зависимости от способа знакомства) эмигранты фактически строят свои параллельные структуры дополнительного образования.

При этом основатели и активные участники таких инициатив отмечают временность таких решений — по их мнению, потенциал экономической успешности невелик, а дети в любом случае приобретают другие интересы, которые могут быть не связаны с русскоязычным сообществом.

У детей же наблюдается иная ситуация — они в целом свободно находят общение со сверстниками из местных жителей и представителей нерусскоязычных эмигрантских групп. Несмотря на сохранение большого количества контактов внутри русскоязычного сообщества и друзей внутри России они гораздо успешнее справляются с социализацией в принимающих сообществах, чему способствует и разница в системах образования (подробнее в разделе «Удовлетворенность качеством образования»).

Отношения с русскоязычными нероссиянами

В проанализированных кейсах респонденты лишь раз упомянули случай буллинга детей-россиян детьми из Украины — в остальных кейсах родители отмечают, что дети гораздо успешнее налаживают неконфликтную коммуникацию, родителям достаточно не вмешиваться в этот процесс.

Взрослые отмечают наличие напряженности в отношениях и достаточно частые отказы от общения украинцев с россиянами — но конфликтов практически не возникает. Большинство респондентов отметили, что им удастся построить доверительные отношения с украинскими семьями, акцентировано проговорив отношение к российской агрессии.

Большинство респондентов считают себя частью русскоязычного сообщества, включая в него всех эмигрантов, говорящих на русском языке, — в том числе выходцев из стран Восточной Европы, не входивших в состав СССР, и детей от смешанных браков в принимающих сообществах.

Дети налаживают коммуникацию проще. Ряд респондентов отметили, что дети россиян и украинцев посещают детские праздники, даже если у самих родителей есть трудности в общении — этот вопрос не мешает детям выстраивать отношения самостоятельно.

Сохранение русского языка у детей

Почти две трети опрошенных считают критически важной ценностью сохранение высокого уровня владения русским языком для их детей — они включают в эту категорию умение читать и писать на русском.

Среди причин, по которым родителям важны эти навыки — желание общаться с детьми и внуками на русском, установка на то, что ребенок должен владеть языком страны своего происхождения, чтобы оставаться частью русской культуры, фрустрация от частого употребления научных терминов и иных слов на языке обучения после школы.

Почти половина опрошенных нанимали репетиторов по русскому языку или оплачивали занятия в российских онлайн-школах преимущественно для сохранения языка, один из респондентов переехал в другую страну, чтобы его дети могли получать офлайн-образование на русском.

За сохранение языка не переживают в основном родители, чьи дети уже имеют достаточно широкий круг общения на русском или посещают старшие классы.

При этом родители понимают, что изучение русского не должно вредить освоению иностранных языков, которые дают детям больше перспектив для получения хорошего образования. Тем не менее, это остается для них важной культурной ценностью, от которой они не готовы отступить.

Возвращение в Россию

Практически все респонденты не подтверждают наличие среднесрочных планов возвращения в страну, лишь в одном случае респонденты отметили неизбежность возвращения — но эта семья находится в стране ЕС на основании долгосрочного рабочего контракта.

Тем не менее, многие эмигранты уже выработали четкие критерии, при которых они готовы рассмотреть возвращение — окончание войны, смена политического режима, пауза в несколько лет для стабилизации социально-экономического положения («без пустых полок и 90-х»).

Интересно появление двух четко различающихся траекторий возвращения — на постоянное проживание и частые безопасные для жизни и свободы поездки к друзьям и родственникам.

Хотя эмиграция с детьми школьного возраста сопряжена с дополнительными трудностями, наличие детей также можно рассматривать и как один из аргументов для эмиграции. Некоторые респонденты выразили опасения по поводу снижения качества образования и уровня жизни в России для их детей. В таком случае стремление к

«лучшему будущему» для детей в радикальном варианте находит выход в эмиграции семьи.

Здесь респонденты могли отметить, что для них было важным предоставить своему ребенку возможность поступления в европейские университеты путем получения аттестата международного образца.

Отметим, что часть респондентов выбирала страну для эмиграции так, чтобы обеспечить достойный уровень образования для ребенка, некоторые респонденты отмечали выбор места жительства в городе таким образом, чтобы ребенок жил на комфортном расстоянии от места обучения.

Здесь же наблюдается и обратное явление: нежелание респондентов «сжигать все мосты» и сохранение юридических прав в стране исхода, в том числе через материальный капитал. В ряде случаев респонденты выстраивали свою стратегию эмиграции таким образом, чтобы их ребенок мог сдать экзамены в России (ОГЭ/ЕГЭ) или получить аттестат: в таких случаях семья ждала окончания учебного года или организовывала онлайн-обучение по российским образовательным стандартам. Таким образом, родители находили возможности для своих детей закрепиться в месте эмиграции или даже эмигрировать в третью страну в будущем, так же, как и возможность осуществить реэмиграцию. В том числе рассматривается и сценарий, при котором родители возвращаются в Россию, после того как их ребенок поступает в университет вне России.

В этой связи можно сказать о сохранении недвижимости в России: пятая часть опрошенных не продали квартиры в России и не сдают их в долгосрочную аренду. Можно предположить, что респонденты видят в оставшейся в России собственности важный актив в сценарии, где они возвращаются в Россию.

Удовлетворенность качеством образования

Почти все респонденты отмечают свои положительные впечатления от прогресса зарубежных систем образования в развитии гуманизационных методик, включая в это уровень эмпатии преподавателей и администраций, реальную заинтересованность в

решении проблем ребенка в обучении и адаптации к социальной и образовательной средам, готовность предоставлять менторов и помощников, которые облегчают сложности эмиграции для детей.

Большинство из опрошенных не были довольны качеством школьного образования в России — среди отмеченных черт незаинтересованность учителей и администрации в развитии потенциала учеников, стандартизированность и отсталость программ обучения.

В то же время эмигранты недовольны дисциплиной рабочего процесса в обучении их детей — считают, что школы уделяют недостаточно времени на исправление ошибок, делают школьную программу излишне легкой, делают слишком большой акцент на игровые формы преподавания. Родители отмечают свое удивление малым количеством домашних заданий.

Одна из болевых точек, которую опрошенные выделили при сравнении образовательных систем России и принимающих стран, более низкий уровень преподавания математики, физики и химии. Родители нанимают русскоязычных репетиторов по этим предметам, чтобы уровень развития ребенка соответствовал их представлениям о том, каким он должен быть у россиянина в этом возрасте.

Внеклассные занятия и кружки

Независимо от социальной категории и дохода семьи российские родители-эмигранты стремятся к тому, чтобы их дети занимались каким-либо видом внеклассной деятельности, даже если замечают, что это требует больших затрат. Это остается актуальным как в России, так и в эмиграции. Хотя ответы могут быть искажены из-за нежелания раскрывать финансовые трудности, отказ ребенка от продолжения внеклассной деятельности, а также отсутствие возможности ее проведения чаще называются в качестве причины прекращения досуга, чем дополнительная финансовая нагрузка.

Респонденты отметили, что в эмиграции наиболее важными проблемами в продолжении внеклассной деятельности являются отсутствие выбора и возможностей

по сравнению с тем, что предлагается в крупных городах, таких как Москва или Санкт-Петербург, растущие расходы и смещение приоритетов. Действительно, респонденты отмечали, что более длинный учебный день в большинстве стран по сравнению с российской системой образования в сочетании с необходимостью уделять время изучению местного языка сокращает количество времени, которое дети могут посвятить занятиям по своему выбору. Особенно заметно это в первый год эмиграции, который является для детей адаптационным. Однако по прошествии времени дети снова включают внешкольные занятия в свое расписание, зачастую продолжая заниматься тем, что интересовало их в России.

В России многие родители ориентировались в возможностях для внешкольного образования детей исходя из высокой осведомленности о жизни в своем районе или городе, тогда как в эмиграции они лишены этой информации. В 3 случаях из 20 респонденты упомянули, что в России родители находили эти внеклассные занятия через организованные культурные-творческие ассоциации, которые предлагали родителям набор вариантов, сгруппированных в одном месте. Один из респондентов подчеркивает практичность такой возможности и жалеет, что за границей у него не было такой возможности. В эмиграции, по крайней мере в 6 случаях, информация о внешкольных занятиях была получена через «сарафанное радио». В 6 случаях респонденты за рубежом находили информацию через русскоязычные эмигрантские сети. В целом, в эмиграции респонденты больше полагаются на информацию и отзывы, полученные через друзей, знакомых, родителей одноклассников или чаты и группы в социальных сетях, чем на институциональные организации.

В 2 случаях из общей выборки респонденты заявили, что их дети не участвуют во внеклассных мероприятиях. В 1 из этих случаев они находились в стране всего несколько месяцев, но планировали начать занятия в ближайшее время.

В 8 случаях дети респондентов продолжили внеклассную деятельность, которой они занимались ранее в России, что свидетельствует о стремлении помочь своим детям развивать свои способности. В 2 случаях респонденты подчеркивают, насколько их дети были загружены занятиями в России, и насколько важен этот фактор в российских семьях. В 2 случаях подчеркивается разнообразие занятий, причем родители объясняют,

что для них важно, чтобы их дети получали максимально разнообразный опыт, чтобы потом решить, чем именно они хотят заниматься.

Перераспределение ролей в семье

Большинство опрошенных отметили, что в эмиграции проводит гораздо больше времени с семьей и детьми — часто это связано с тем, что жители мегаполисов Москвы и Санкт-Петербурга, где расстояния могут измеряться часами, теперь живут в относительно небольших по площади городах, в которых дети посещают школу, до которой всего несколько минут пешком.

Отметим и то, что большинство семей, имевших возможность обратиться за помощью в воспитании детей к бабушкам, дедушкам и живущим по соседству друзьям, теперь могут полагаться только на свои ресурсы, что делает неизбежным увеличение количество проводимого с ребенком времени.

Интересно, что в качестве контактов, к которым респонденты могут обратиться за помощью в эмиграции, называются исключительно русскоязычные знакомые, которые стали близкими друзьями уже после переезда.

В большинстве полных семей один из родителей лишился работы по специальности — типичным случаем является либо полная потеря работы женщиной, либо ее переход в новую профессиональную сферу.

Мобилизация ресурсов в эмиграции

В подавляющем большинстве случаев респонденты стремятся продолжать работать в той же сфере за границей или даже в той же компании, если им доступны релокация или удаленная работа. Однако в некоторых случаях опрошенные перепрофилировали свою деятельность — они создают новые социальные сети, одновременно объединяя вокруг себя новые сообщества и помогая себе влиться в их работу. Такой предпринимательский подход к инвестированию в новую среду встречается в 6 случаях из всей нашей выборки.

Из этих 6 случаев профессиональное репозиционирование является способом получения финансов лишь в 3 случаях. Финансовая выгода от таких инициатив косвенная в 3 из 6 случаев, когда респонденты оказывают услуги или предоставляют их бесплатно и получают косвенную денежную выгоду, зарабатывая на известности или канале, через который можно рекламировать как самого человека, так и предоставляемую им услугу. В 1 из этих случаев, когда речь идет о владельце стартапа, услуга рассматривается как выгодное вложение средств с расчетом на возврат в долгосрочной перспективе.

Во всех 6 случаях репрофилированный ресурс ориентирован на русскоязычное сообщество эмигрантов, а предоставляемые услуги направлены на облегчение эмиграции других. При этом в 4 случаях из 6 они репрофилируют ресурс, чтобы помочь другим эмигрантам преодолеть конкретные проблемы, например, обеспечить доступность информации о жизни в стране, дать бизнес-консультацию с учетом особенностей местного рынка или провести занятия на местном языке, чтобы повысить шансы на успешное преодоление трудностей эмиграции. В 2 случаях из 6 усилия сосредоточены на русскоязычном «пузыре»: респонденты не ставят целью полную интеграцию в общество принимающей страны, а стремятся предоставить услуги русскоязычному сообществу.

Несмотря на то, что все 6 проектов ориентированы на русскоязычное сообщество, а не на местное, в 3 случаях из 6 инициаторы сознательно пытаются предложить услугу, которая охватывает всех русскоговорящих, разъясняя свою политическую позицию и предоставляя конкретные преимущества украинцам, как, например, в случае одного из респондентов, предоставляющего украинцам бесплатные языковые курсы.

Хотя 4 из 6 этих предприятий опираются на навыки, полученные в ходе обучения или предыдущей работы, во всех случаях респонденты полагаются на личные качества, языковые навыки, находчивость и адаптивность, объединяя различные возможности, изучая особенности принимающей страны, адаптируя свою инициативу к новой аудитории, новой стране и заставляя респондентов посмотреть на свою ситуацию с точки зрения стороннего наблюдателя.

Такие инициативы одновременно являются способом заработка, каналом накопления нового социального капитала и самопомощью русскоязычного сообщества с преференциями для его групп, находящихся в наиболее тяжелом социально-экономическом положении.

Заключение

В заключении отметим, что на основе ответов наших респондентов мы наблюдаем перенос основной массы социального капитала эмигрантов в русскоязычные эмигрантские сообщества. Связи, оставшиеся в России, прерываются редко и в большинстве случаев остаются прочными, в то время как контакты с местными жителями значительно слабее — у эмигрантов формируется круг общения в рамках русскоязычного «пузыря».

Интересно, что членам «пузыря» респонденты доверяют больше всего, вкладывают в его развитие большое количество материальных и нематериальных ресурсов. Социальные же связи детей распределяются более равномерно, в большинстве случаев отмечаются прочные связи в общении и с местными русскоязычными жителями, и с эмигрантами (в том числе русскоязычными нероссиянами), и с остающимися в России людьми. Дети заметно более открыты к установлению новых связей с нерусскоязычными местными жителями, чем их родители.